

Санжа Балыков.

О судьбе калмыцкой литературы.

С незапамятных времен, переходя из поколения в поколение живут в калмыцком народе разнообразнейшие, интересные, живые сказки, древние легенды, меткие народные пословицы и поговорки, загадки, героические баллады и прочие виды устной художественной литературы. При этом надо отметить одну особенность: эта калмыцкая устная литература чрезвычайно популярна и распространена в народе. Буквально до самых недавних пор не было мужчины, женщины, даже детей, не располагающих запасом любимых сказок, умеющих их с увлечением рассказывать. (Невольно вспоминается, как, будучи 5—6 летним мальчиком, часто отпрашивался я у матери на ночлег к моей старой тетке и, дословно запомнив очередную сказку, угощая, бывало, на другой вечер круг слушателей, не без внутренней гордости принимая похвалы об „остроте“ моей памяти. Репертуар мой был так значителен, что и до сих пор остался в памяти добрый десяток сказок).

А про чрезвычайную излюбленность наших пословиц и говорить нечего; они были самой ходкой принадлежностью нашего разговорного языка. Говорить с применением пословиц считалось хорошим тоном, признаком воспитанности. А наши многочисленные загадки, которые почти до последнего десятилетия служили предметом состязания в длинные зимние вечера больших компаний, тоже были творением нашей народной мудрости, общественной мысли.

Особо стоят наши песни. Если их собрать и систематизировать, то по ним можно писать историю калмыцкого народа, можно проследить все этапы его жизни, его быт, веру, миросозерцание. Кроме того, что такое богатое устное творчество было, оно стройно разветвлялось на различные виды по характеру своего содержания. Сказки, например, есть героические (вроде Залу Зяндан, Хэртин Хара Күкэль), повествующие о войнах, о борьбе богатырей со злыми духами, об интересных приключениях добрых молодцев; среди них встречаются не только фантастические сказки — „тула“, (как например „О вещах несуровных, на земли невиданной“), но и сказания, носящие явно исторический характер „туджэ“, (вроде сказаний об Ойратских войнах); были сказки идиллические (Ниран Арсланг Хин), рисующие семейную жизнь отдельных лиц и быт целых обществ; любовные, всевозможных оттенков (вроде Будан Морген), рисующие трогательную братскую любовь; юмористические (вроде Долан Ходжгар и негэ Мбджгер); религиозные (как напр. Мёнкан Чильденг) и пр.

Но, особенный интерес представляет судьба наших песен. Если в сказках и легендах допустимы элементы подражания и восприятия их или их сюжетов от других народов (как напр. сказки „Сидти Кюрь“), то наши песни были подлинным творчеством нашего народа. Песни мы имеем тоже двоякого рода: так называемые длинные, длинные не по содержанию, а по мотиву, так как поются они протяжным, спокойным голосом, с мягкими, едва заметными переливами, которые ускользают от чуждого слуха. Однако ни одна народная песня, думаю, не создает такого успокаивающего, лирического настроения у исполнителя и понимающего слушателя, как наша длинная песня. Кто хоть на минуту не взгрустнет, слушая прекрасные куплеты „Сэхн зерде“, так ярко передающие тоску молодого человека по рано умершей матери?..

Иной характер носят песни „короткие“, что также не характеризует содержание, а мотив; это — наши народные частушки, преимущественно юмористического, иронического содержания, распеваемые обыкновенно молодежью на улицах. Петь же их взрослым людям, а также в семейных домах, или в официальных случаях считается неудобным, тогда как первый род песен пользуется почетом и любовью народа.

Таким образом, калмыцкий народ, принадлежа к

одному из культурных племен кочевого Востока, явившийся в Европу, как-бы, авангардом проникновения его на Запад, еще в самый ранний период своей жизни, имел свою яркую, богатую устную литературу, которая, при нормальном ходе развития его жизни, пройдя все обычные пути прогресса художественной литературы, и в данное время, в данных условиях жизни должна была бы быть выразительницей душевных переживаний народа, спутницей во всех этапах его судьбы, художественным памятником всех исторических перипетий его национальной жизни.

Казалось бы, что такое богатство, разнообразие и всеобщая популярность устной художественной литературы должны были бы дать мощные основы для пышного развития и расцвета всех стадий и форм литературы: письменной литературы в частности. Однако, этого не случилось. Наша устная литература, застыв на месте, не дала никаких новых выходов и с течением времени отстает от видоизменившейся народной психологии, уже перестает удовлетворять его душевные запросы, не соответствует народной жизни, теряет свой интерес, суживается его распространенность и теперь едва ли кого можно заставить целый вечер выслушивать какую-нибудь сказку. Народ наш вырос из той стадии, когда он мог удовлетворяться сказками и балладами. Даже популярнейший „Джангар“, с своей блестящей формой и богатством содержания, выслушивается не с таким вниманием и благоговением, каким сопровождалось его рассказывание хотя бы 1/10, десятка лет тому назад.

Правда, это — неизбежный закон в прогрессирующем человеческом обществе, в нормальных условиях проходящем этапы общественного развития. В ногу с ним идет и его художественная и иная литература, т. е. продукты духовного творчества, чего нельзя сказать в отношении нашего народа, а следовательно и его литературы. Взамен устаревшей устной формы литературы у нас не возникла новая, не оказалось письменной, печатной литературы, кроме вещей религиозного характера. У нас нет „современной“ литературы.

Причиной этого печального явления есть то обстоятельство, что с приходом калмыков в Россию и постепенным их подпадением под власть русского народа, который помимо полит. власти сковал и его нормальн. духовн. функции, общественная жизнь его пошла не по обычным путям развития. Она развивалась так, как растет закиданный булыжниками кустарник — криво, косо. В жизнь калмыцкого народа вторгся и стал культивироваться чужой язык, захвативший все отправления административной и культурной жизни, а свой родной язык остался только для домашнего употребления. Ясно, что он, потеряв общественно необходимый характер, потеряв главную часть поля своего применения, а потому и развития, стал хиреть, из богатого и красивого языка он быстро стал превращаться в упрощенный, засоренный русским и, как неизбежное последствие, не могла развиваться на этом языке и художественная литература.

Всем известно, что литература создается способными и специально свыше одаренными элементами национальной интеллигенции, но калмыцкая интеллигенция, как наиболее пораженная дурным влиянием чужой культуры, как раз с удовольствием стала говорить на русском языке, игнорируя свой. За ними потянулись всякие станичные грамотеи и таким образом все более или менее интеллигентные силы нашего народа не умеют говорить на своем чистом, беспримесном языке. Долго продолжалось такое поворное явление, пока встряска революции не заставила их сознать глупость такого положения и хоть немногим взяться за пропаганду возрождения своего языка, своего письма, а одним попытаться создать зачатки художественной литературы, пока опять тэка на чужом языке.

Со времени подпадения калмыцкого народа под власть русского не создана ни одна сказка, не написано ни одно художественное творение. Только наиболее

устойчивая часть нашей устной литературы — песня еще некоторое время продолжает развиваться и отражать события и переживания народа. Так например есть песни, которые гонорят о местах пребывания калмыков: „Манца гідэк гол“, „Хонн голин хулсун“, „Гашун гідэк газар“, „Ике дельтә кер“, „Кермән гідэк балсен“ и др. Все эти песни носят еще характерную особенность нашей песни — лиричность, художественную иную сказательность, мягкость и ласкавость мотивов, но сила содержания уже уступает старым песням, вроде „Алга дере гархине“ или „Нурин уснасуни дунгешек“, „Хавр волху тенгер“ и др.

Но скоро и эта отрасль нашего духовного творчества с окончательным и полным подпадением нас в неволю, с исчезновением всех признаков свободы, а главное с осознанием самим народом своей горькой доли и потерей надежды на освобождение, начинает падать и чахнуть. Со времени окончательного и явного нашего закабаления не создана ни одна хорошая захватывающая песня, кроме убогих частушек, вроде — „Чхатар чамаган Чапрагин больницар домнуллав“ или „Икәсчен аджәхшув“.

Таким образом, наша литература, пышно взойдя в своей первой стадии, в период устного творчества, вследствие потери нами нашей национальной свободы, повлекшей за собой ограничение сфер языкового отправления, зачахла, отстала от души народа и обречена была на смерть в духоте и темноте нашей неволи, а следовательно должен был выродиться и рано или поздно исчезнуть и наш язык т. е. то, что составляет один из несомненных признаков национальной особенности и что является одним из сильных оружий борьбы нации за свою самобытность.

Так неуклонно и неумолимо шел и будет идти калмыцкий народ к полному исчезновению и окончательному растворению в массе господствующего народа, если только мы не добьемся такого политического положения, при котором все функции общественно-административной и культурной жизни нашего народа не будут отправляться на нашем родном языке, т. е. до тех пор, пока знание и изучение родного языка и письма не будут обусловлены практической необходимостью, иначе гоноря, пока не добьемся хотя бы относительной национальной, политической свободы, ибо свобода нации есть необходимое условие для

развития его духовного творчества — литературы.

Не даром глубочайший ум нашей современности Т. Г. Масарик говорит, что только родной язык может быть для человека совершенным орудием мысли, живым выражением чувства и воли, благодарным материалом для поэтического творчества. Вот почему все известные чешские борцы за национальное освобождение и первую голову боролись за сохранение и развитие своего языка, за создание своей художественной литературы.

И не даром русское правительство, в своей руссификаторской политике прежде всего принимало меры к ограничению употребления родного языка народом, предназначенным к ассимиляции. Даже в разгар напряженной внешней войны оно не забывало продолжать эту политику поглощения наций. Так например в 1915 году во всех калмыцких школах Сельского округа была введена новая система обучения грамоте калмыцких детей, так называемый „метод Тростникова“, по которому калмык преподаватель младшего класса не должен был, как раньше, переводить русский текст на калмыцкий, а на каждый урок существовали стенные таблицы-картинки с изображением содержания прочитанного и учитель, после того как ученик прочитает предложение, должен был молча показать на соответствующую картинку, объясняющую значение прочитанного. Само собой разумеется, что такое преподавание только могло способствовать скорейшему забвению учениками родного языка; они должны были с детства научиться мыслить на русском языке. При чем за применением этого метода строго следил инспектор народных училищ и отступление от него повлекло для пишущего эти строки угрозу увольнения „за применение устарелого метода“, несмотря на блестящие успехи его класса.

И калмыки наших дней, принужденные писать на русском языке, должны помнить, что их работа только материал для подлинного творчества на своем языке и что они всей силой своего сознания должны способствовать созданию таких политических условий, при которых они получат возможность практического применения нашего языка и письма, писать и печатать на нем свои творения, т. е. развивать и возрождать свою литературу. Иного пути спасения своего языка, культуры, т. е. самого себя, история закабаленных народов не знает.

С. Савельев.

Казачьи разговоры.

(Из Парижских писем).

Казачья в Париже находится в неблагоприятных условиях в смысле встречи друг с другом. Днем все заняты, в большинстве на фабриках. Иные счастливицы имеют я легкую службу, но их так мало, что о них говорить не приходится. После постоянной и нудной работы, свободная минута выпадает у казаков только на время после 7 вечера и праздники. Конечно, в будние дни, в силу огромности Парижа, в различных частях и предместьях которого живут казаки, они не имеют возможности встречаться друг с другом и так часто, как они того хотели бы. Кроме того, несмотря на то, что в Париже живут тысячи казаков, несмотря на то, что здесь пребывает Донской атаман, Донское П-во, г. Мельников, „законный“ и „пожизненный“ глава „Каз. Союза“, так удачно объединяющего около „двухсот казачьих организаций“, — в Париже имеет место печальное явление — нет ни одного места, куда казак мог бы прийти в свободное время как в свой казачий уголок, где могли бы казаки свободно встречаться.

Поэтому и праздничные дни свою потребность видеть друг друга казаки удовлетворяют тем, что собираются под открытым небом на улице Dagu (Дарю), возле православной церкви. Мне нужно было видиться с моими приятелями, переговорить по некоторым вопросам. Ничего лучшего нельзя было придумать, как идти на гие Dagu, где можно встретить почти всех.

Я не знал, где находится эта церковь, думал придется искать. Но когда вышел из метро Courcelles, то сразу увидел, где она находится.

Выдался хороший день; как приятный сюрприз, не шел обычный в это время года в Париже дождь, ласково светило осеннее солнце и именно потому, вероятно, в это утро было особенно много народу у церкви. Множество автомобилей — таксисты казаки и русские. Улица полна народом. Стоят группами, о чем то все оживленно беседуют. Какие интересные типы можно здесь встретить! В самой церковной ограде преобладают усатые, brave, с неуклюже сидящим костюмом

„Почитать казаков донских частью древней Руси — не должно. Только язык и вера сближали их с Россией и, наконец, покорили России.“

Русский историк Н. Полевой.

(Сватиков — „Россия и Дон“, стр. 327).